

Последнее известие о Дисипате — послание к нему Паламы летом 1354 г. Цамис убедительно полемизирует с И. Мейендорфом, считавшим, что письмо Паламы адресовано другому Давиду: по мнению Цамиса, в письме (манускрипт Uppsala. 28a) вставка «Дисипату» сделана рукой самого писца и относится к лемме, а не к тексту (как думал Мейендорф); поэтому письмо Паламы свидетельствует не о смерти Дисипата (умер другой Давид, — по мысли Цамиса, духовный отец Дисипата), а наоборот, о том, что в 1354 г. он был еще жив и находился в переписке с Паламой (с. 21—23).

Издаваемое им «Слово» Цамис датирует приблизительно летом 1342 г. (с. 27). Это обстоятельство заставляет его пересмотреть традиционную дату рождения того лица, которому Дисипат адресовал свое сочинение — Николая Кавасилы. Принято считать, что он родился около 1320 г. Однако Цамис, исходя из того, что Давид обращается к нему как к «мудрому» человеку (с. 89.11), пользующемуся уважением, не допускает, что Кавасиле было в ту пору только 20 с малым лет, и предлагает отодвинуть дату его рождения к 1307 г. (с. 29).

«Слово» Давида Дисипата посвящено богословской стороне борьбы. О разворачивавшейся в 1342 г. гражданской войне он говорит мимоходом и в весьма общих выражениях (с. 38.1—5, 90.3—10.93.5—8), сосредоточиваясь на обосновании православности учения Паламы об энергиях. Подобно своему противнику антипаламиту Никифору Григоре, Дисипат наполняет аргументацию обильными цитатами из отцов церкви. Но в отличие от Григоры Давид избегает риторики: его изложение сухо, лишь изредка он позволяет себе напрашивающуюся игру слов. Так, Акиндин именуется «преемником двойных опасностей», порожденных Варлаамом (с. 92.24; см. прим. 2); по-гречески опасность — *κίνδυνος*, и аллюзия очевидна. Редки у него и сравнения — одно, впрочем, примечательно: Дисипат сравнивает своих противников с дурными зверями, которые убегают от света и скрываются в глухой чаще, всеми силами стараясь укрыться от охотников (с. 39.7—12). Сравнение могло бы показаться традиционным, но в данном контексте оно приобретает «второй смысл»: ведь антипаламиты сосредоточивали свою критику на учении Паламы о свете (о Фаворском свете, в котором Палама усматривал проявление энергии, или «силы» божьей), отчего Дисипат и примирение называет «светом истины», предсказывая гибель тем, кто суть мрак и по учению, и по деяниям (с. 93.8—10).

«Слово» Давида Дисипата — еще один памятник, созданный в условиях острой идейной и политической борьбы, подготовившей катастрофический упадок Византийской империи.

А. К.

Th. St. Nikolau. Αί περί πολιτείας καί δικαίου ιδέαι τοῦ Γ. Πλήθωνος Γενναίου. — «Βυζαντινά κείμενα καί μελέται», 13. Thessalonike, 1974, 138 p.

Николау в «Прологе» начинает с утверждения, что политическое мышление характерно для всей эллинской истории философии вплоть до Плифона. Исходя из классического тезиса Аристотеля, что «человек — общественное существо», Плифон свои сочинения в основном посвящает гражданину (*πολίτης*), который должен быть «человеком для других», а не одиночкой-индивидуалистом (*μονώτης*). По мнению Николау, вся жизнь и деятельность Плифона была связана с проблемой спасения греческой независимости. Автор выражает сожаление, что наиболее важные сочинения Плифона о государстве были сожжены патриархом Геннадием Схоларием, но, между прочим, приводит некоторые извиняющие обстоятельства для этого «очерняющего» Схолария акта.

Обрисовывая безнадежное положение Византии XIV—XV вв., Николау уделит внимание исихазму; по его мнению, Плифон не склонялся ни к Варлааму, ни к Паламе, но только эклектически воспринимал некоторые их положения (с. 4). Мистицизм Николау считает вообще свойственным эллинскому мышлению — от празднеств Дионисия, Элевсинских мистерий, пифагорейцев, Филона, Плотина, Прокла вплоть до отцов церкви и мистики богословия. По Николау, исихастский спор по своей роли в византийском обществе XIV в. был равен иконоборческому,